

НЕМЕЦКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И «ИДЕИ 1914 ГОДА»

А.М.РУТКЕВИЧ

В немецкой историографии на протяжении нескольких десятилетий длится спор относительно роли немецких элит в развязывании Первой мировой войны. Начало этим дебатам положила книга Ф. Фишера о стремлении германского правящего класса к мировому господству¹.

Сильнейшее раздражение оппонентов Фишера вызвало не только то, что он писал об ответственности всей немецкой верхушки за развязывание войны, но также то, что он возлагал эту ответственность главным образом не на юнкерство и кайзера, а на немецкую буржуазию, представители которой активно участвовали и в планировании войны, и в составлении планов аннексий и контрибуций. Первая мировая война была первой из войн, сопровождаемой невиданной ранее войной слов: все участвовавшие в конфликте страны вели пропаганду как за рубежом (в еще не вступивших в войну странах), так и в собственных странах — для мобилизации населения, оправдания своих действий и т.п. Немецкие интеллектуалы, принадлежавшие, прежде всего, к либеральной буржуазии, играли ведущую роль в этой идеологической и пропагандистской борьбе.

И Англия, и Франция обосновывали свое вступление в войну защитой цивилизации от варварского милитаризма, но и Германия желала не просто захватывать новые территории. Даже далекие от мудрствований генералы размышляли о судьбах всего мира. Фельдмаршал Мольтке писал о том, что латинские народы уже прошли зенит своего развития, славяне еще слишком дики и несут кнут и духовное варварство; Британия преследует только материальные интересы. «Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий»². Германская элита видела во внешней экспансии средство одоления внутренней угрозы, победы над взбунтовавшимися «варварами» в самой Германии. Как говорил канцлер фон Булов, «национальная политика — истинное средство в борьбе с социал-демократами». Крупная победа социал-демократов на выборах в 1912 г. была одним из важнейших побудительных мотивов для начала войны. Пангерманизм буржуазных политических организаций становился все более расистским во время войны. Глава Всенемецкого союза, Генрих Клас, уже тогда требовал начать «безжалостную борьбу с еврейством»³. Даже оказавшая огромное воздействие на умы легенда о вонзенном красными и евреями «ноже в спину» победоносной армии родилась в этих кругах еще в июле 1918 г.

Немецкая буржуазия считала казарму «школой нации», а собственное «верноподданничество» (Untertanmentalität) образцом для подражания всех прочих народов.

Совсем не склонный к преувеличениям левых историков, желающих находить во втором Рейхе все черты третьего, Томас Ниппердей⁴ отмечал, что наряду с «официальным» национализмом (с сильной монархической составляющей), ориентацией на сохранение status quo, существовал куда более агрессивный либеральный национализм, который он называет «интегральным». Не прусские юнкера, а немецкая буржуазия была его носителем. Сотни тысяч членов насчитывали уже указанные союзы: Alldeutsches Verband, Wehrverein, но рядом с ними действовали также весьма сильные Ostmarkverein, Allgemeine Deutsche Sprachverein, ставившие перед собой задачи вытеснения одних славян и онемечивания других. Уже названия других союзов: Deutsche Kolonialgesellschaft, Deutsche Flottverein передают то, что они были нацелены на борьбу Германии «за место под солнцем». Они были тесно связаны и с промышленниками, и с правительственными кругами. На 1914 г. во флотском союзе состояло — 331 тыс. прямых членов и 1 млн 100 тыс. членов через его отделения.

Помимо «красных» члены этих союзов видели врагов в этнических меньшинствах (поляки, евреи), в пацифистах, иногда в левых либералах и католиках. «Борьба за выживание» была объявлена непререкаемым принципом политики: мир виделся поделенным на добро и зло, свет и тьму; в борьбе действует максима «победа или смерть», а условием победы являются «порядок и авторитет». Идеологию Всенемецкого союза можно считать *völkisch*, поскольку в ней присутствует и популизм, и национализм с элементами расовой доктрины⁵. Впоследствии, уже после Второй мировой войны, довольно распространенным станет истолкование истории немецкой буржуазии, согласно которому в начале XX в. она по-прежнему уступала решение важнейших вопросов юнкерству, была аполитичной, а потому покорно принимала прусский милитаризм. Действительно, мечта немецкого бюргерства об объединении Германии была осуществлена «железом и кровью», высшие посты в государственном аппарате занимали дворяне. Однако сама немецкая буржуазия далеко ушла от гуманистических мечтаний времен Гердера и Шиллера. «Никогда ранее не произносили и не писали такого числа славословий власти, причем власти насильственной»⁶. Если в некоторых других странах, вроде России, Ницше воспринимали прежде всего как «бунтаря» (а потому его читали и почитали «левые»), то в Германии он оказался философом германского империализма *par excellence*. Хладнокровный администратор и техник войны, фельдмаршал Людендорф, «лучше, чем кто бы то ни было другой воплощал тип нового буржуазного господствующего класса, отодвинувшего во время войны прежнюю

аристократию; он был воплощением идей Всенемецкого союза, его brutальной воли к победе, одержимости, с которой на кон ставилось все ради власти над всем миром»⁷.

Программа милитаризации экономики, подготовки к войне, концентрации всех сил на борьбе за новые колонии за морями (Англия!) и территории на континенте (Россия!) предполагала проведение столь же решительной внутренней политики – репрессивный закон против социалистов, введение цензуры, ограничение избирательного права, прекращение *Judenemanzipation* (евреи должны быть лишены гражданских прав и рассматриваться как иностранцы). Еще во времена англо-бурской войны эти союзы вели яростную антианглийскую кампанию, теперь Англия становится первейшим врагом в борьбе за мировое господство. У этого союза было наибольшее влияние на правящие элиты (включая окружение кронпринца и военных в Генштабе). Во многом благодаря усилиям этих империалистических элит Германия раньше других стран начала подготовку к войне. Собственно говоря, война началась в 1914 г. именно потому, что германская экономика прошла весь четырехлетний цикл подготовки хозяйства к войне, тогда как Франция последовала за нею лишь в 1912 г., а Россия вообще к войне не была готова (у Великобритании в готовности был лишь флот, и потому считалось, что она в войну на континенте вообще не вступит). Германские элиты готовили эту войну и стремились к ней.

Рассматривая притязющую на философские глубины немецкую публицистику тех лет, следует учитывать, что в рамках правящего класса Германии шли непрерывные споры о целях войны, о том, кто является главным соперником Рейха. Для группы политиков и промышленников вокруг канцлера фон Бетман-Гольвега таким противником была Россия, для «военно-морской партии» во главе с адмиралом фон Тирпицем таковым была Англия. Если в тексте интеллектуала война рассматривалась прежде всего как схватка с «мировой плутократией» и «капитализмом», то он явно склонялся ко второй группе немецкой элиты.

Геополитика в явной или неявной форме всегда предполагает некую историософию. Германия была родиной двух наиболее разработанных философско-исторических моделей. Первая из них, представленная прежде всего Фихте и Гегелем, утверждает необходимое движение всего человечества, проходящего на своем пути ряд ступеней. Один народ сменяет другой как выразитель и лидер в этом движении – к началу XIX в. таковым стали немцы. Другая модель восходит к Гердеру и романтикам: есть множество народов с их неповторимыми культурами, нет единого человечества и управляющих его развитием законов. Этот круг идей получил развитие сначала в «исторической школе права», затем у немецких экономистов и социологов (от Франца фон Листа до Вернера Зомбарта).

Во время войны немецкие мыслители склонялись либо к подчеркиванию своеобразия немецкого духа, «особого пути» (Sonderweg) Германии и «Срединной Европы» (Mitteleuropa), либо провозглашали, что Германия несет человечеству новую эру, отменяющую наследие либерализма и «идей 1789 года», которым противопоставлялись «идеи 1914 года». Антикапиталистическая риторика в то время проникает в статьи и книги далеких от социализма авторов. Если В. Зомбарта, выпустившего в 1915 г. книгу «Торгаши и герои»⁸, в которой главным врагом немцев объявлялась торгашеская плутократическая Англия, еще можно было считать «левым», то крупнейший промышленник и организатор военной индустрии во время войны В. Ратенау явно не принадлежал к «красным». Между тем именно в его произведениях — вышедших как непосредственно перед войной, так и во время войны (книга «Von kommenden Dingen», 1917) — неизбежным представлялось движение к плановому хозяйству и общей «механизации» общественной жизни. Именно к этой антибританской (а потом и антиамериканской) пропаганде примыкали сочинения ряда социал-демократических публицистов.

Идея тождества между прусским милитаризмом и социализмом появилась задолго до Первой мировой войны. Еще в 80-е гг. XIX столетия Карл Каутский высмеивал книгу Г. Туха, в которой решение социального вопроса чуть ли не было равнозначно превращению Европы в одну большую казарму. Социал-демократы принимали в те времена призывающие к миру резолюции и в соответствии со словами «Интернационала» обещали превратить империалистическую войну в гражданскую. Хотя харизматическому вождю партии Августу Бебелю принадлежали слова: «Если речь идет о войне с Россией, я сам возьму в руки винтовку», вплоть до августа 1914 г. социалисты считали себя пацифистами — таковыми их считали и их противники, т.е. двор кайзера, офицерство, практически вся немецкая буржуазия. Даже накануне войны 25 июля 1914 г. руководство партии приняло резолюцию, осуждающую австро-венгерское правительство за «фривольную провокацию войны». Но уже через несколько недель парламентская фракция социал-демократов в подавляющем большинстве своем одобряет военные кредиты и повторяет вслед за официальной пропагандой, что война была развязана Сербией и Россией, что Германия ведет оборонительную войну за «правое дело».

Подобную эволюцию проделали почти все социалисты Европы. Когда дом горит, то не время заниматься поиском того, кто виновен в поджоге, нужно сначала потушить пожар. Пробудившийся патриотизм социалистов вряд ли нужно — вслед за партийной коммунистической историографией — характеризовать как «предательство» интересов рабочих своих стран. Но часть руководства эсдеков пошла много дальше того, что можно назвать патриотизмом. От первоначальной

позиции («мир без завоеваний») партийное руководство к 1916 г. перешло к поддержке планов аннексий германского руководства: захват территорий может служить экономическому и историческому «прогрессу», в борьбе с «кровавым царизмом» хороши все средства.

Само по себе это согласие с целями германского империализма еще ничем не отличает немецких социал-демократов от прочих европейских социалистов, поддержавших свои правительства в условиях войны. Идеино к этому социалисты были отчасти готовы: еще за десять лет до войны в Фабианском обществе в Великобритании возникли идеи «социал-империализма». Особенностью германских правых социал-демократов было то, что тотальная мобилизация всех ресурсов в условиях войны оказалась для них желанным образцом социалистического общества. Разве Энгельс в «Анти-Дюринге» не писал о том, что на место анархии капиталистического производства придет более совершенная плановая экономика? Правда, ни Энгельс, ни Маркс не писали о том, что эта новая социалистическая экономика возникает в рамках национального государства, а социализм есть средство мобилизации трудовых ресурсов ради военной победы. Но у другого основоположника СДПГ, Фердинанда Лассалья, уже присутствовала подходящая идея «государственного социализма», а слова «организация» и «дисциплина» вожди этой партии (К. Либкнехт, А. Бебель) любили не меньше прусского офицерства.

Термины «национальный социализм» и даже «национал-социализм» появляются в изданиях немецких социал-демократов с 1915 г. Первопроходцем был Август Винниг, напечатавший статью в издании профсоюза немецких строителей. В ней говорилось о том, что военная экономика предполагает не только нормирование ресурсов, но также иную организацию всего общества, участие в управлении профсоюзов — дисциплина и организация становятся ключевыми словами в определении того, что Винниг уже тогда назвал *Elemente eines neuen Deutschtums*. Классовая борьба исчезает в новом рейхе, пролетариат становится союзником и сотрудником государства, поскольку судьба Германии и судьба рабочего класса неразрывно друг с другом связаны.

Среди социалистов, пересмотревших свои прежние пацифистские убеждения, наиболее интересна фигура Пауля Ленша (он принадлежал левому флангу СДПГ), который вместе с Розой Люксембург воевал с «ревизионистами». Еще в августе 1914 г. он был с теми, кто противился голосованию за военные кредиты, но с 1915 г. он входит в группу правых («Группа Кунова — Хэниша — Ленша»), которая идет дальше всех прочих в переосмыслении программы и политики социал-демократов в духе «военного социализма». Ленш хорошо разбирался в вопросах экономики (после войны он вышел из партии и стал профессором экономики в Берлинском университете), а по-

тому увязывал необходимость пересмотра пацифистских позиций социалистов с изменениями в отношениях между государством и хозяйственной сферой общества. Образование синдикатов и картелей ведет к монополистической организации рынка, ко все большему сращиванию частного капитала с государством. Растет и роль государственного планирования — война лишь усилила и ярко выявила эту тенденцию. Мировая война для Ленша имеет революционный характер, поскольку она ведет к стиранию старых классовых и сословных различий, к плановому «государству организации», в котором все индивиды становятся клетками единого организма. Возникающее в условиях войны общество отменяет индивидуалистические принципы 1789 г., поэтому и социал-демократическая партия не может оставаться прежней классовой партией пролетариата. Из крайне левой партии она становится «партией центра», в которой свою роль будут играть и интеллектуалы, и чиновники, и офицеры. Социалистический идеал вообще никогда не был тождествен буржуазным идеям прав и свобод, его сердцевину составляет идея равенства в организованном обществе. Такое общество может возникнуть только в рамках национального государства, а потому социализм выступает у Ленша как «спаситель национализма». В отличие от других руководителей партии, делавших оговорки в духе прежних лозунгов («мир без аннексий», «всеобщее разоружение» после войны), он считает такого рода идеалы абстрактными и оторванными от действительности. Мы живем в мире национальных государств, интересам немецких рабочих отвечает сильная экономика в могущественной империи. У рабочих есть свое отечество, за которое они готовы умирать.

Не меньший интерес представляет книга Иоганна Пленге: «1789 и 1914. Символические годы в истории политического духа»⁹. Пленге не был членом СДПГ, хотя относился к близким правому крылу этой партии публицистам. Во время войны он печатался в издаваемом А.Л. Парвусом *Die Glocke*. Пленге был правым гегельянцем, он критиковал Маркса и его последователей в своих довоенных работах «Маркс и Гегель» (1911) и «Будущее в Америке» (1912): марксисты не видят того, что грядущий социализм будет не социализмом «свободных ассоциаций трудящихся», но социализмом функционеров, «офицеров и унтер-офицеров хозяйства и управления».

Книга начинается с оппозиции идей Канта и Гегеля — в германской истории идей она оказывается определяющей. Война возвращает нас к закрытому торговому государству Фихте и к гегелевскому возвышению Пруссии как образцового государства. Война ведет к преодолению классовых противоречий в национальном государстве, она уже привела к централизации, к планированию хозяйственной жизни. «Война производит экономику, экономика — войну!»¹⁰ Именно это составляет существо «идей 1914 года». Нечто подобное происходит

и в других воюющих странах, но там нет соответствующей интеллектуальной традиции. «За нами будет XX век. Как бы ни окончилась война, мы являемся образцовым народом. Наши идеи будут определять жизненные цели человечества»¹¹. 1914 год является годом перелома, поскольку с ним связано «свободное включение крупных хозяйственных органов в государство», сделавшееся «всеобъемлющим центром всех членов экономической жизни». Возникает «народное товарищество национального социализма»¹².

Пленге пишет, что «идеи 1914 года» являются «золотой серединой» между государственным социализмом и демократизмом. Они объединяют такие противоположности, как организация и индивидуализм, чиновничество и народная свобода, система обязанностей и права человека. Движение к государственному социализму началось еще до войны. Капитализм вообще не был мирным — эпоха капитализма есть эпоха колониальных захватов, передела мира во имя экономических целей. «Капитализм возник не на каких-то островках мира во всемирной истории... Капитализм был орудием для государства, а государство, со своей стороны, орудием капитализма, желавшего расширить свои рынки, подавить своих противников с помощью политических средств»¹³. Капитализм начинался с освобождения, он завершается организацией. Он освободил крестьян, освободил производство от цеховых ограничений, провозгласил свободу торговли и свободу слова. Это привело к быстрому техническому и экономическому развитию. Но само это развитие привело к концентрации капитала, к гигантским предприятиям, которые переплетаются с государственными институтами и гасят прежние свободы. 1789 год был годом победы идей свободы, 1914 год символизирует завершение этого исторического периода.

Пленге признает то, что военное хозяйство есть временное явление, что после войны произойдет возврат к некоторым чертам прежней эпохи. Но сохранится идея «немецкой организации», планового хозяйства, четкого разделения труда в рамках единого экономического организма. Идеи 1914 г. для него именно поэтому суть идеи «национального социализма». Вслед за Гегелем он говорит о движении мирового духа через ступени, находящие свое выражение в «идеях». Теперь он принимает вид национального государства с плановой экономикой, национальной и социалистической в одно и то же время. Прежняя социалистическая идея была для Пленге чуть ли не анархической: обобществление средств производства мыслилось социал-демократами как движение к «свободным ассоциациям трудящихся». Война показала истинное лицо будущего социализма: плановое хозяйство требует диктатора, поскольку ему требуется центр организации. Еще в статьях 1915 г. Пленге сравнивал кайзера с Наполеоном («мировой идеей на коне» у Гегеля), причем кайзер предстал не как

традиционный монарх, а как «вождь немецкого народа», диктатор и организатор побед.

Не затрагивая два больших раздела книги, посвященных внешней политике и демографии, обратим внимание только на главную мысль Пленге: грядущий социализм не будет утопическим «царством труда» довоенных социалистов, он будет национальным и военным социализмом. «Философски это можно выразить следующим образом: хотим мы того или нет, мы вступаем в закрытое торговое государство Фихте, которое будет строиться на основе гегелевских представлений о государстве»¹⁴. Оно будет закрытым для мирового капитала, который способен только грабить народы (и сравнивается Пленге с пиратами). Это будет сильное национальное государство, в котором одна и та же сила пронизывает все части и посредством единой воли направляет все члены организма к решению стоящей перед нацией задачи. К довоенному обществу уже нет возврата — война изменила и общество, и государство. «Посредством войны мы сделались более чем когда-либо социалистическим обществом»¹⁵. Правда, социализм для Пленге не есть огосударствление всего и вся, не ликвидация частной собственности. И собственность, и основные права личностей сохранятся, но изменится сама среда их существования, иными будут идеалы. Социализм есть организация, которой соответствует определенный тип человека. «Революция 1914 года» рождает нового человека, с новой моралью. Пленге дает набросок, в котором уже содержатся основные черты «Рабочего» Эрнста Юнгера. Он пишет о новой «морали господ» (Herrn-moral), критикуя при этом Ницше, поскольку тот оставался индивидуалистом, а новая мораль является национальной и социалистической. Идея организации вообще является «аполлоновской», а не «дионисийской»; высший тип представляет собой рационального человека организации, а не дионисийского «сверхчеловека».

Идеи Пленге и Ленша оказали немалое влияние на правое крыло СДПГ (так называемое «неолассальство»), но было бы ошибочным делать всю немецкую социал-демократию непосредственным предшественником и побудителем национал-социализма, как это представлялось Фридриху Хайеку¹⁶, для которого любой национально окрашенный социализм уже является нацизмом. Обвиняя всех социал-демократов, Хайек решал свои задачи — апологетики либерализма австрийской школы. В действительности, СДПГ, вопреки своей марксистской программе, была главной опорой Веймарской республики, а ее правое «милитаристское» крыло ослабло после воссоединения «большинства» и «независимых» в начале 20-х гг. Некоторое влияние этой идеологии продолжали испытывать немецкие профсоюзы — их вожди куда легче находили общий язык с национал-социалистами. Но истинным наследником Вальтера Ратенау и Иоганна Пленге был В.И. Ленин: в статьях 1918 — 1920 гг. он

часто обращался к опыту военного «государственного социализма». Именно эти идеи легли в основание планового хозяйства, а не чуждая большевикам традиция крестьянского «мира».

Томас Манн так передал суть «идей 1914 года»: «...что после Испании, Франции, Англии пришла наша очередь отметить своей печатью и повести за собой мир; что двадцатый век принадлежит нам и что по истечении провозглашенной около ста двадцати лет назад буржуазной эпохи мир должен обновиться под знаком немецкой эры, стало быть, под знаком того, что не совсем четко определяется как милитаристский социализм» и иронически завершает свои воспоминания об идеологических исканиях тех лет: «Эта мысль, чтобы не сказать — идея, завладела нашими умами вместе с убеждением, что война нам навязана, что лишь священная необходимость заставила нас взяться за оружие, — оружие, кстати сказать, давно прикопленное и которым мы столь превосходно владели, что, конечно, жаждали пустить его в ход»¹⁷.

Именно в годы мировой войны немецкая социал-демократическая партия окончательно переходит на позиции реформизма. Характерны слова первого президента Веймарской республики Эберта: «Я ненавижу революцию как грех». Подавление выступлений коммунистов и левых социалистов в Берлине, Гамбурге, Саксонии, союз с ультраправыми воинскими союзами (Freikorps) при ликвидации Баварской советской республики — от революционного марксизма социал-демократы отошли быстро и решительно. Но к «идеям 1914 года» ни руководство СДПГ, ни аппарат партии не имели прямого отношения¹⁸. Во времена Веймарской республики эти «идеи» становятся важной составляющей «консервативной революции», в первую очередь, «национал-большевистского» ее крыла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht: die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland 1914 – 1918. – Dusseldorf, 1961.

² Цит. по: *Уткин А.И.* Первая мировая война. – М.: Эксмо, 2002. С. 165.

³ Цит. по: *Weler H.-U.* Das deutsche Kaiserreich 1871 – 1918. – Göttingen. S. 216.

⁴ См.: *Nipperdey T.* Deutsche Geschichte 1866 – 1918. Bd. II. – München: Beck, 1992.

⁵ В 1933 г. постаревший Г. Клас приветствовал приход Гитлера к власти, прямо считая его наследником Всенемецкого союза, причем для этого имелись веские основания. Об идеологии национально-либеральных союзов см.: *Eley G.* Wilhelminismus, Nationalismus, Faschismus. Zur historischen Kontinuität in Deutschland. – Münster: Westfälische Dampfboot, 1991.

⁶ *Elias N.* Studien über die Deutschen. – Frankfurt a / M.: Suhrkamp, 1992. S. 236.

⁷ *Haffner S.* 1918/1919. Eine deutsche Revolution. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1981. S. 28.

⁸ См.: *Замбарн В.* Собр. соч. В 3 т. Т. 2. – СПб., 2005.

⁹ См.: *Plenge J. 1789 und 1914. Die symbolischen Jahre in der Geschichte des politischen Geistes*. – Berlin: Julius Springer, 1916. Пленге ссылается на вышедшую годом ранее книгу шведского юриста Кьеллена, в которой уже присутствует оппозиция этих двух дат (впервые она была использована неизвестным автором в передовице «Frankfurter Zeitung»).

¹⁰ Ibid. S. 18.

¹¹ Ibid. S. 20.

¹² Ibid. S. 82.

¹³ Ibid. S. 74.

¹⁴ Ibid. S. 121.

¹⁵ Ibid. S. 123

¹⁶ Книга Ф. Хайека «Дорога к рабству», к сожалению, донныне является для многих читателей единственным источником сведений о немецкой социал-демократии первой трети века. В ней идеи небольшой группы раскольников, вроде П. Ленша и А. Виннига или независимого философа и публициста И. Пленге, выдаются за позицию всей партии, причем именно в СДПГ он видит ту силу, которая готовила победу НСДАП во времена Веймарской республики. Лживость этих обвинений очевидна для всякого, кто имеет хотя бы малейшее представление о немецкой истории, но англоязычные либералы чаще всего такого представления не имели ни в 1944 г., когда вышла «Дорога к рабству», ни, тем более, сейчас. (См.: *Хайек Ф. Дорога к рабству*. – М.: Новое издательство, 2005).

¹⁷ *Мани Т. Доктор Фаустус*. – М.: АСТ, 2004. С. 359.

¹⁸ Некоторое воздействие этой идеологии обнаруживается только в рамках организации «молодых социалистов», выпускавших журнал «Sozialistische Blaetter» в конце 20-х гг.

Аннотация

Сражения Первой мировой войны впервые в европейской истории сопровождались широкомасштабной словесной войной интеллектуалов. В Германии в этой пропаганде принимали участие представители правого крыла социал-демократической партии, противопоставившие «идеи 1914 года» либеральным «идеям 1789 года».

Ключевые слова: Первая мировая война, «идеи 1914 года», немецкая социал-демократия, философия истории, правое гегельянство.

Summary

Battles of the First World War were accompanied by the full-scale war of words of the intellectuals. In Germany the representatives of the right wing of Social-Democratic Party took part in this propaganda, opposing the «ideas of 1914» to the liberal «ideas of 1789».

Keywords: First World War, «Ideas of 1914», German Social-Democracy, philosophy of history, right Hegelianism.